

И. С. КОЗЫРЕВ

ИЗ ИСТОРИИ РАЗВИТИЯ ПРЕДЛОГОВ ПРИ ФОРМЕ СРАВНИТЕЛЬНОЙ СТЕПЕНИ В БЕЛОРУССКОМ И РУССКОМ ЯЗЫКАХ

Сравнительно-историческое изучение родственных языков, как известно, является базой и надежным инструментом для изучения групп родственных языков в целом и каждого из них в отдельности. При этом «исследование служебных слов... очень продуктивно для выделения сходств и различий в структуре как родственных, так и неродственных языков»¹. Служебные слова являются такими структурными лексико-грамматическими элементами, на развитие которых существенно не влияют внешние, внеязыковые факторы, а это важно учитывать при установлении внутренних тенденций развития языков на ограниченном языковом материале. В то же время изучение этого языкового материала, в нашем случае — предлогов, должно проводиться достаточно детально «в сравнительно-историческом плане, чтобы выводы о предлогах не сводились к словарной статье по каждому предлогу»².

Предлоги при формах сравнительной степени особенно показательны в том отношении, что и предлоги, и формы сравнительной степени в русском и белорусском языках были вовлечены в интенсивные процессы перестройки языковых систем: в обоих языках действует зародившаяся в древнерусском тенденция расширения предложных конструкций за счет беспредложных³, а также древнерусский процесс утраты формами сравнительной степени прилагательных морфологической изменяемости и образования из них наречий⁴.

Наблюдения, легшие в основу данной работы, сделаны на основании материалов современного русского и белорусского языков и памятников письменности, а также диалектных данных. Такое объединение источников представляется оправданным, так как «только в связи с изучением закономерностей развития народных языков с их диалектами и литературных языков в их взаимодействии могут быть заложены прочные основы исторической и сравнительно-исторической лексикологии отдельных языков и групп языков»⁵. Объединение задач диалектологии и истории языка,

¹ М. С. Г у р ы ч е в а, К вопросу о сравнительно-типологическом изучении романских языков, «Методы сравнительно-сопоставительного изучения романских языков», М., 1966, стр. 68.

² «Сравнительно-исторический синтаксис восточнославянских языков. Типы простого предложения», М., 1968, стр. 14.

³ См.: В. И. Б о р к о в с к и й, П. С. К у з н е ц о в, Историческая грамматика русского языка, 2-е изд., М., 1965, стр. 547; Т. П. Л о м т е в, Очерки по историческому синтаксису русского языка, М., 1956, стр. 240, 247, 253.

⁴ См.: А. И. С о б о л е в с к и й, Лекции по истории русского языка, 4-е изд., М., 1907, стр. 227; Л. А. Б у л а х о в с к и й, Курс русского литературного языка, II (Исторический комментарий), 4-е изд., Киев, 1953, стр. 295—296.

⁵ В. В. В и н о г р а д о в, [Вступительное слово], «Вопросы терминологии (Материалы Всесоюзного терминологического совещания)», М., 1961, стр. 6.

а также соответствующих источников следует признать целесообразным и перспективным⁶.

В современном русском литературном языке представлены следующие синонимические конструкции: 1) «сравн. ст. + род. падеж», 2) «сравн. ст. + союз *чем*», 3) «сравн. ст. + союз *нежели*». В качестве лексических средств связи в них выступают лишь союзы. В русских говорах связывать форму сравнительной степени с подчиненным членом, кроме союзов (*чем, што, как, когда*⁷), могут и предлоги *из, за, против*.

Лексические средства связи формы сравнительной степени с подчиненным членом конструкции в современном белорусском языке представлены шире, чем в русском. В литературном языке находим конструкции: 1) «сравн. ст. + предлог *за* + вин. падеж», 2) «сравн. ст. + союз *чым*», 3) «сравн. ст. + союз *як*», 4) «сравн. ст. + союз. *ніж*»; в говорах отмечаются еще конструкции: 1) «сравн. ст. + предлог *ад* + род. падеж»⁸, 2) «сравн. ст. + предлог *над* + вин. падеж», 3) «сравн. ст. + предлог *над* + твор. падеж», 4) «сравн. ст. + предлог *за* + род. падеж», 5) «сравн. ст. + предлог *аб* + вин. падеж», 6) «сравн. ст. + предлог *цераз* + вин. падеж», 7) «сравн. ст. + союз *як* + род. падеж»⁹. Уже самое предварительное сравнение показывает, что современные русский и белорусский языки имеют много расхождений в лексических средствах связи формы сравнительной степени с подчиненным ей компонентом.

Ниже остановимся на истории конструкций с предлогами.

Предлог *за*. Значения предлога *за* в русском и белорусском языках частично восходят к древнерусскому, частично развились позднее, после обособления этих языков¹⁰. Русский и белорусский унаследовали из языка-основы предлог *за* в основном с одними и теми же значениями; в период самостоятельного развития этих языков у предлога *за*, в силу различных обстоятельств, в свою очередь, появились некоторые общие значения. Вследствие этого функционирование предлога *за* в русском и белорусском на всем протяжении их истории имеет лишь незначительные отличия. Почти тождественными являются пространственные, временные, возмостительные, определительные значения этого предлога. В значениях посесивных, причинных и целевом предлог *за* в белорусском языке более, чем в русском, ограничен в своей сочетаемости¹¹. Предлог *за* в древнерусском имел сравнительное значение (ср.: «Быти за единъ человекъ» Новг. I л., «За обычаю даемъ» Ефр. Крм.: Срезневский, I, стлб. 892, 894), которое

⁶ Ср.: Р. И. А в а н е с о в, О состоянии и задачах научных исследований в области диалектологии, ИАН ОЛЯ, 1964, 6, стр. 559, см. также: «Общие проблемы диалектологии и истории языка (ответы на вопросник)», М., 1969, стр. 9—12, 20.

⁷ См.: А. Б. Ш а п и р о, Очерки по синтаксису русских народных говоров. Строение предложения, М., 1953, стр. 84, 92; В. И. С о б и н н и к о в а, Строение сложного предложения в народных говорах (по материалам говоров Гремяченского района Воронежской области), Воронеж, 1958, стр. 134—135.

⁸ Т. П. Ломтев указанную конструкцию приводит в числе литературных (Т. П. Л о м т е в, Грамматика белорусского языка, М., 1956, стр. 278); в последнее время она считается областной (см.: «Курс сучаснай беларускай літаратурнай мовы. Сінтаксіс», Мінск, 1959, стр. 66; «Белорусско-русский словарь», М., 1962, стр. 47).

⁹ Употребление этих конструкций свидетельствуется, например, в работах: «Нарысы на беларускай дыялекталогіі», Мінск, 1964, стр. 325; «Дыялекталогічны атлас беларускай мовы», Мінск, 1963, ч. I, карта 225, ч. II, стр. 772—773; в белорусских говорах отмечается и конструкция «сравн. ст. + дат. падеж», а в литературном языке — конструкция «сравн. ст. + род. падеж».

¹⁰ См.: Е. Ф. К а р с к и й, Белорусы, II, 2—3, М., 1956, стр. 428—429; И. С. К о з ы р е в, История значений и употребления предлога «за» в русском языке, «Уч. зап. Борисоглебск. пед. ин-та», IV, 1958, стр. 71—92.

¹¹ См.: М. С. Е в н е в и ч, Функции и значения предлогов *на, у, за, з* в современном белорусском литературном языке. Автореф. канд. диссерт., Минск, 1956, стр. 16—18.

не унаследовано ни русским, ни белорусским. В белорусском и некоторых русских говорах у предлога *за* появляется новое сравнительное значение, не связанное с древнерусским.

Как известно, из пространственного значения у предлога *за* развились временные, причинные, целевые, посессивные¹². Из пространственного же значения, надо полагать, развилось и рассматриваемое сравнительное: способность предлога *за* выражать степень удаленности одного предмета от другого с точки зрения наблюдателя была использована для выражения «удаленности» предметов по качеству¹³. Предлог *за* со сравнительным значением, по-видимому, в первую очередь стал возможен при таких формах сравнительной степени, которые обозначали расстояние, длину и т. п. (*дуб вырас далей за бярозу, тое возера далейшае за гэта*¹⁴). Кроме того, базой образования указанной сравнительной конструкции могла послужить конструкция с количественным значением (типа *яму за трыццаць*)¹⁵.

Обычно считается, что вин. падеж в конструкциях с предлогом *за* при форме сравнительной степени первичен, а род. падеж сменяет его под влиянием беспредложных конструкций типа *брат старэйшы сястры*¹⁶. В качестве аргументов можно указать на то, что в белорусском языке предлог *за* употребляется с вин. и твор. падежами, род. падеж без предлога при сравнительной степени употреблялся в древнерусском языке¹⁷, в современном белорусском языке беспредложная сравнительная конструкция с род. падежом сосуществует рядом с предложными¹⁸. Но можно допус-

¹² См.: А. А. Потебня, Из записок по русской грамматике, IV, М.—Л., 1941, стр. 284; И. С. Козырев, указ. соч., стр. 81—92.

¹³ Интересно отметить, что уже в старобелорусском языке приставка *за-* (< предлог *за*) стала использоваться для образования превосходной степени (Е. Ф. Карский и, Белорусы, II, 2—3, стр. 51).

¹⁴ Ср. развитие аналогичным образом у предлога *за* временного значения, но не при форме сравнительной степени: «Затопила [печь] за ўсех наўпярот» (Е. Ф. Карский и, Материалы по виленским говорам, РФВ, XXI, 2, 1898, стр. 259; здесь возможна и форма сравнительной степени *раней*), «Ванька посли за Кольки побіжай» (записано в д. Пашино Демидовск. р-н Смоленск. обл.), «Посли за Лёника зделаў» (записано там же); если считать, что конструкция «сравни. ст. + предлог *за* + род. падеж» непосредственно развилась из конструкции типа приведенной, то тогда вполне объяснима форма род. падежа подчиненного слова при форме сравнительной степени.

¹⁵ Ср.: «...зарплата яванцаў... не бывае больш 40—60 гульдэнаў у месяц, а для галандцаў не бывае меней за 150—200» (Мавр. Соч., I, стр. 323).

¹⁶ Так, Е. Ф. Карский замечает: «Иногда *за* без нужды приставляется даже перед формой родительного; *жыто вырасло луччы за той пшаницы*» (Е. Ф. Карский и, Белорусы, II, 2—3, стр. 428); ср.: «Нарысы па беларускай дыялекталогіі», стр. 325.

¹⁷ Ср.: «Употребление в этом случае беспредложного родительного есть древнейшее общеславянское...» (А. А. Потебня, указ. соч., стр. 253); он обычен в древнерусском языке, например: «божие блюдение лѣплѣѣ есть челоуѣчьского» (Пов. вр. лет под 1096 г., стр. 163), «та бо есть молитва всѣх лѣпши» (там же, стр. 157); беспредложную сравнительную конструкцию из древнерусского унаследовал русский язык, в котором она является основной; отмечается она и в старобелорусском языке (см.: Е. Ф. Карский и, Белорусы, II, 2—3, стр. 47—49, 359), например: «Иже было тело его прѣстоѣ яснейше неба, свѣтлѣише слнца» (Страсти Христовы, стр. 32), «невѣстка твоя, оже любима тебе, породила его, иже она лѣпши тобѣ еси свѣ» (Руф. XVI в., л. 336 — КСБС).

¹⁸ Беспредложная конструкция («сравни. ст. + род. падеж») в современном белорусском литературном языке считается продуктивной (см.: М. М. Барковский и, Конструкции с родительным падежом в белорусском языке. Автореф. канд. диссерт., Минск, 1954, стр. 9; «Курс сучаснай беларускай мовы. Синтаксис», стр. 66); по говорам эта конструкция локализована: «На северо-восточной территории Белоруссии (Могилевская и Витебская обл.) слова, называющие объект сравнения, при сравнительной степени качественных прилагательных и наречий очень широко употребляются в родительном падеже без предлога...» («Нарысы па беларускай дыялекталогіі», стр. 325); трудно объяснить происхождение беспредложной конструкции в современном белорусском языке: возможно, она сохранилась с древнерусского периода, возможно, возникла в результате «распада» других сравнительных конструкций, а возможно, появилась в результате расширения значений родительного беспредложного; не ясна

тить и исконность формы род. падежа в рассматриваемой конструкции, так как предлог *за* в древнерусском языке употреблялся с род. падежом (Срезневский, I, стлб., 894)¹⁹, в украинском языке указанный предлог сочетается с род. падежом времени (УРС, II, 1958, стр. 2), «в других славянских языках, например, болгарском, польском, чешском, украинском и некот. др., для обозначения объекта сравнения чаще всего используется форма родительного падежа с различными предлогами»²⁰, у одного и того же автора XVI в. (С. Будного) используются обе формы. Скорее всего, обе конструкции вырабатывались параллельно, но конструкция с формой род. падежа формировалась под непосредственным воздействием беспредложной, взаимодействуя с некоторыми временными конструкциями.

Впервые предлог *за* в конструкции с формой сравнительной степени фиксируется в старобелорусском языке XVI в. Е. Ф. Карский из Кате-хизиса 1562 г. приводит такой пример: «один за другого лепшейый»²¹. В указанном памятнике отмечается и еще несколько случаев его употребле-ния: «Скажи дово(д)ней абы(х) розумѣль причину, лепшей ли бѣ любить порождованье за работ» (л. 37 б), «То пакъ не вси заровно такового тернія позбывають, але одинъ большей за другого» (л. 33б)²², «Нехай то былъ часъ гнѣва божіею за грѣхы предковъ нашихъ, который ся за преданія, або лепей за сны и стареческие басни, взявши, слово божіе были опустили мусило тако быти» (л. Г), «Третий блудъ теперешны(х) мниховъ есть, яко о дѣвствѣ розумеють, абы оное предъ богомъ достоинейшее за бракъ, або за женитву было» (л. 33). Нам удалось найти предлог *за* с таким значе-нием и в других памятниках: «Изали, слышачы, острейшыя за ме(ч), блю(з)нѣрскіе слова, насмѣвиска, оуруганя, и покива(н)е голо(в) со(н) мицы законопрестоу(п)ное: оутробю ся не расте(р)зала» (Карп. Каз., л. 47б, 1615 г.)²³, «...поляки помо(р)чицы, мазурове тыи напре(д)нѣшыя

боги мѣли: Іовиша, которо(г) они хвалили за всѣ(х) моцнѣшо(г)» (Хр. словянов, л. 433). Как видно из приведенного материала, форма сравни-тельной степени с предлогом *за* управляла вин. и род. падежами.

В современном белорусском языке, как отмечалось выше, объект срав-нения при предлоге *за* может стоять в вин. и род. падежах (конструкция также в этом процессе роль русского языка: распространение беспредложных кон-струкций главным образом в восточной части Белоруссии как будто свидетельствует о заимствовании ее из русского языка, но наличие беспредложной конструкции не непо-средственно на границе двух языков, а на очень широкой полосе, нередко даже в цент-ральной и западной части белорусской языковой территории не позволяет сколько-нибудь решительно утверждать это; к тому же в соседних с белорусским русских го-ворах широко распространена конструкция «сравн. ст. + предлог *за* + род. падеж». Возможно, конструкция «срав. ст. + род. падеж» сохранилась в белорусском языке с древнерусского периода в какой-то локализации и под влиянием русского языка стала активизироваться).

¹⁹ Ср.: «В ст.-сл. *за* соединяется тоже с род., что трудно объяснить» (С т. Ге-р о д е с, Старославянские предлоги, «Исследования по синтаксису старославянского языка. Сборник статей», Прага, 1963, стр. 355), например: «въскръсь же за оутра. Мр. 16.9» (там же, стр. 356).

²⁰ Н. А. Т р о и ц к а я, Словосочетания со сравнительной и превосходной сте-пенью имени прилагательного в качестве подчиняющего слова в современном русском языке. Автореф. канд. диссерт., Новосибирск, 1967, стр. 7.

²¹ См.: Е. Ф. К а р с к и й, Белорусы, II, 2—3, стр. 428; для определения формы падежа дадим более полный контекст: «понедѣлокъ або второкъ, або иный который о(т) се(д)ми дней, поневажъ вси дни ровные суть, а не е(с) одинъ *за* другого лепшейый» (Будный, л. 42).

²² См.: Е. Ф. К а р с к и й, Два памятника старого западнорусского наречия: лютеранский катехизис 1562 г. и католический катехизис 1582 г., в кн.: Е. Ф. К а р с к и й, Труды по белорусскому и другим славянским языкам, М., 1962, стр. 201.

²³ Ср. в этом же тексте рядом синонимичную конструкцию: «Изали, видячы го(р)-кій, онъ, оцгу и же(л)чи напой, до пр(с)ты(х) оустъ его принесеный: горчейшого, на(д) всякую жолч(ь)» (Карп. Каз., л. 47б).

с род. падежом считается областной). Территория распространения той и другой конструкции в белорусских говорах нанесена на карту 225 «Диалектологического атласа белорусского языка». Сравнительный оборот с предлогом *за* при вин. падеже распространен шире соответствующего оборота с род. падежом: первый употребляется в подавляющем большинстве населенных пунктов почти всей территории Белоруссии (в восточной части страны несколько реже, чем в западной и центральной), второй более или менее часто встречается лишь в восточной части БССР (преимущественно в Витебской и Могилевской областях), а на остальной территории он отмечается чрезвычайно редко (Атлас белорусск. языка, карта 225). Поскольку сравнительный предложный оборот с вин. падежом является литературным, поскольку можно предположить, что на востоке он не исконен, а вытесняет сравнительный предложный оборот с род. падежом.

Предлог *за* при форме сравнительной степени известен также украинскому языку²⁴ и некоторым русским говорам. Предлог *за* при форме сравнительной степени с род. падежом имени обычен в говорах Смоленщины (Добровольский, Словарь, стр. 229; Даль, I, стр. 549)²⁵. П. А. Расторгуев пишет: «Отмечен он (предлог *за* с род. падежом. — И. К.) мною во всех селах (Смоленщины. — И. К.), говор которых был объектом моих наблюдений»²⁶. Указанное употребление предлога *за* постоянно регистрировалось и нами в говорах Демидовского и Велижского районов Смоленской области.

Фиксируется конструкция «сравн. ст. + предлог *за* + вин. падеж» и в брянских говорах²⁷.

На употребление предлога *за* при сравнительной степени в псковских говорах указано в «Опыте областного великорусского словаря» (1852), где приведен пример: «Моя шуба лучше за твою» (стр. 59). Этот же пример включен в словари Даля (I, стр. 549), Копаневича²⁸, что вряд ли позволяет допускать широкую употребительность в псковских говорах указанного предлога со сравнительным значением.

В других говорах русского языка не находим предлога *за* при форме сравнительной степени.

Управление формы сравнительной степени с предлогом *за* род. падежом имени распространено в восточных белорусских и смоленских говорах, что свидетельствует об общности их развития и в этом смысле об их противопоставлении многим белорусским и некоторым русским говорам, имеющим сравнительную конструкцию с предлогом *за*.

Предлог *за* при форме сравнительной степени находит редкое отражение в старобелорусской письменности, а в народном языке XIX—XX вв. он активен и распространен повсеместно; это дает основание полагать, что сравнительное значение у предлога *за* сложилось в народном языке не

²⁴ См.: Е. О г о н о в с к и, Studien auf dem Gebiete der ruthenischen Sprache, Lemberg, 1880, стр. 179; в современном украинском литературном языке конструкция типа *вона добріша за сестру* считается разговорной (УРС, II, 1958, стр. 3).

²⁵ В Архиве РГО в фольклорной записи, сделанной в Рославльском уезде Смоленской губернии, читаем: «Знать в тебе есть получчи зы мяне» (К. А. К р а с н о п е р о в, Песни и загадки, записанные в Рославльском уезде, 1894, стр. 6, Рукопись РГО в Л-де, шифр 38.21.1); в рукописной книге уроженца Смоленщины находим: «... как бы ты скарей за мене не попал в чахотку от пьянства» (Алмазов, Моя жизнь, л. 23).

²⁶ П. А. Р а с т о р г у е в, Говоры на территории Смоленщины, М., стр. 157; непонятно, почему И. Б. Кузьмина и Е. В. Немченко считают, что П. А. Расторгуев пишет о конструкциях с вин. падежом (см.: И. Б. К у з ь м и н а, Е. В. Н е м ч е н к о, О различительных явлениях русских говоров в области предложных словосочетаний, ИАН ОЛЯ, 1964, 4, стр. 330).

²⁷ См.: И. Б. К у з ь м и н а, Е. В. Н е м ч е н к о, указ. соч., стр. 330.

²⁸ И. К. К о п а н е в и ч, Областные слова Псковского уезда и губернии, 1902—1904 (рукопись Рукописного отдела Библиотеки АН СССР, шифр 45.8.244).

позднее конца XV в. и лишь в живой речи интенсивно использовалось; в период появления предлога *за* при форме сравнительной степени смоленские говоры составляли одно целое с языком белорусской народности.

Предлог *над*. Предлог *надъ* имел в древнерусском языке ряд значений. Он употреблялся, в частности, «для обозначения движения кверху предмета», «места, находящегося выше другого» (Срезневский, II, стлб. 280—281). В этих значениях предлога *надъ* заложена потенциальная возможность выражения сравнения предметов по высоте. Реализация этой возможности в белорусском языке привела к формированию конструкций «сравн. ст. + предлог *над* + вин. падеж», «сравн. ст. + предлог *над* + твор. падеж». Состав форм сравнительной степени по семантике в них постепенно перестал ограничиваться выражением высоты.

В старобелорусском языке предлог *над* в этом значении фиксируется с XV в.: «да нине нетъ болшого и моцнейшого и богатшого на(д) него пана на свете» (Повесть о трех королях, стр. 95), «Иже над попа никто не есть достоинейши на свѣте» (там же, стр. 55), «оная пани не цуднейшая надъ нашу» (Пов. о Тристане, стр. 71)²⁹.

В современном белорусском литературном языке предлог *над* в этом значении не закрепился; правда, он иногда встречается в художественной литературе, но в качестве приметы областной речи. В современных белорусских (брестских, гродненских, минских, частично гомельских и витебских) говорах он встречается с твор. и вин. падежами (конструкция *саладзейшы над мед* в «Атласе белорусского языка» отмечена лишь в девяти пунктах)³⁰. Надо полагать, что сравнительные обороты с предлогом *над* издавна вытесняются конструкциями с предлогом *за*³¹.

Употребление предлога *над* при форме сравнительной степени в русском литературном языке, а также в русских говорах (в том числе и смоленских) не отмечается. Можно утверждать, что рассматриваемая конструкция появилась в языке белорусской народности, но не повсеместно (она была нехарактерна для восточных белорусских говоров, непосредственно граничащих со смоленскими).

Предлог *ад*. В современном белорусском языке употребляется сравнительный оборот с предлогом *ад*³², ср.: [Ядвига:] У пана Лабановіча ёсць больш шчаслівейшая ад мяне» (Колас, Избр., IX, стр. 55). Отмечается он и в белорусском фольклоре: «страціла сваю пасербіцу, ад сабе харошчую» (Асьев, Сказки, II, стр. 123), «Каню раса лепш ад аўса» (Янковский, вицы, стр. 106). Данный оборот возник в старобелорусском языке: «гёрдъ, мудрѣйший от мене, не розумѣль пришли речей» (Мам., 78).

В белорусских говорах конструкция типа *саладзейшы ад меду* распространена по всей территории Белоруссии, но сравнительно в небольшом числе пунктов; лишь в брестских говорах она встречается более или часто (Атлас белорусск. языка, карта 225).

В русском языке предлог *от* (*ад*) при форме сравнительной степени не встречается. Он известен западнославянским языкам³³. О заимствовании рас-

Соответствующие примеры см. в кн.: Т. П. Ломтев, Очерки по историческо-таксису русского языка, стр. 149; Е. Ф. Карский, Белорусы, II, 2—3, 5.

«Нарысы на беларускай дыялекталогіі», стр. 325.

Ср. комментарий, записанный в д. Лапычы Могилевской области: «лепшы над - гавораць толькі старыя» (Атлас белорусск. языка, стр. 773).

В последнее время рассматриваемая конструкция считается нелитературной (стр. 47: «Курс сучаснай беларускай літаратурнай мовы. Сінтаксіс», стр. 66), на очень часто встречается в художественной литературе.

См.: А. А. Потебня, указ. соч., IV, стр. 253; в украинском языке предлог же употребляется при форме сравнительной степени (УРС, I, 1953, стр. 216).

смаатриваемаго оборота в белорусский язык из западнославянских вряд ли возможно говорить, скорее наличие одинакового оборота в этих языках говорит о сходстве в их развитии.

Сравнительное значение у предлога *от* (*од*) развилось, по-видимому, из пространственного: преимущества в качестве одного предмета были поставлены в связь с удаленностью одного предмета от другого. Первоначально, вероятно, он стал употребляться при форме сравнительной степени, обозначающей пространственные отношения, а впоследствии этот семантический критерий потерял силу³⁴.

Предлог *цераз*. В говорах белорусского языка при сравнительной степени отмечено единичное употребление предлога *ц'ераз*, ср.: «л'епшаю балтуна н'ет ц'ераз ц'еб'е» (Атлас белорусск. языка, стр. 773), *Няма лепшай цераз яе*. Сравнительное значение у предлога *цераз* также развивается из пространственного. Аналогичное переосмысление наметилось уже в древнерусском языке: «што боудеть соулилъ имъ наима. через то/имъ более не взяти» (Смоленск. гр. 1229 г., сп. Д, стр. 39; ср.: сп. F, стр. 51; сп. E, стр. 44; правда, в смоленских грамотах, возможно, отразилась локальная черта).

Предлог *аб*. В белорусских говорах в описываемой функции употребляется и предлог *аб*, ср.: «Сёння не больш аб усі дні рабіў» (Атлас белорусск. языка, стр. 773). Формирование сравнительного значения у данного предлога неясно.

Предлог *из*. В русских говорах при форме сравнительной степени иногда встречается предлог *из*, ср.: *Середняя горница суше из всех горниц*³⁵. В русском литературном языке он употребляется при форме превосходной степени, в белорусском литературном языке соответственно используется предлог *з* (*са*). Употребление предлога *из* в русских говорах при форме сравнительной степени является вторичным, так как оборот с местоимением *всех* продолжает выражать значение превосходной степени.

Предлог *против*. В русских говорах употребляется предлог *против* при форме сравнительной степени, ср.: «Ты на вершонец против его меньше»³⁶. Этот предлог издавна указывал на расположение двух предметов рядом (Срезневский, II, стлб. 1593—1595), поэтому он мог быть легко приспособлен для сравнения их в каком-либо отношении. В современном русском литературном языке он употребляется со значением «по сравнению с чем-, кем-либо» (Словарь АН СССР, XI, стлб. 1448), но не при форме сравнительной степени. В белорусском языке соответственно употребляются предлоги *супраць*, *супроць*.

Предлог *перед*. В старорусском языке использовался предлог *перед* при форме сравнительной степени, ср.: «И от того Соболи почали быть перед старою ценою дороже. Котошихин»³⁷. Этот предлог уже в древнерусском языке мог выражать расположение одного предмета впереди другого (ср.: Срезневский, II, стлб. 904), что заключало потенциальную возможность выразить качественное превосходство одного предмета над другим. Современный русский литературный язык не унаследовал предлог *перед* со значением, отмеченным в старорусском. В современном белорусском литературном языке этот предлог также не употребляется при форме сравнительной степени. В обоих языках предлог *перед* (*перад*) имеет значение «в сравнении», но в конструкциях без формы сравнительной степени (ср.: *они ничто перед ним — яны нішто перад ім*).

³⁴ Ср.: А. А. Потебня, указ. соч., IV, стр. 253.

³⁵ См.: А. Б. Шапиро, указ. соч., стр. 168.

³⁶ Там же, стр. 168.

³⁷ Т. П. Ломтев, Очерки по историческому синтаксису русского языка, стр. 426.

*

Приведенные наблюдения позволяют сделать некоторые выводы.

В древнерусском языке использовалось два способа связи формы сравнительной степени с подчиненным членом: союзный и при помощи формы род. падежа без связочных слов. Оба этих способа выражения сравнения наследуют русский и белорусский языки. В обоих языках состав соответствующих союзов претерпел существенные сдвиги.

В разговорном языке белорусской народности развивается новый способ связи формы сравнительной степени с подчиненным членом конструкции — предложный; его осуществление происходило в русле четко определившейся уже в древнерусском языке общей тенденции замены беспредложных словосочетаний предложными. Для выражения объекта сравнения употребляется целый ряд предлогов (*за, над, ад, цераз, аб*). Сравнительное значение у них формируется главным образом на базе пространственных. Наиболее специализированным и устойчивым в указанной функции оказался предлог *за*. Соответствующая конструкция с ним развивалась в некоторых русских (смоленских, частично брянских) говорах, что свидетельствует о развитии их в тот период в одном направлении с языком белорусской народности, об органическом вхождении их в его состав. Употребление в современных белорусских говорах предлогов *цераз, аб* при форме сравнительной степени как будто можно считать новым явлением. Это косвенно свидетельствует о том, что процесс образования конструкций с предлогами при форме сравнительной степени является живым в белорусском национальном языке.

В старорусском языке получила некоторое распространение конструкция с предлогом *перед* с формой сравнительной степени, но сколько-нибудь заметно она не потеснила традиционную конструкцию без связочных слов с формой род. падежа. В некоторых русских говорах при форме сравнительной степени появляются предлоги *из, против*, но их сравнительное значение развивается на основе выделительности одного предмета из ряда других и расположения одного предмета впереди другого, а не на основе пространственной удаленности, высоты расположения предметов, что наблюдается в белорусском языке и некоторых западных русских (в прошлом белорусских) говорах.

Сравнение истории конструкций с формой сравнительной степени белорусского языка с развитием соответствующих конструкций русского языка показало, что, наряду с некоторой общностью, вызванной главным образом происхождением этих языков из одного языка-основы, белорусский язык развивался во многом иначе, чем русский. Различию в тенденциях развития конструкций с формой сравнительной степени в русском и белорусском пока трудно дать окончательное объяснение. Может быть, появление в белорусском языке целой серии предложных конструкций с формой сравнительной степени и почти полное отсутствие их в русском языке связано с тем, что изменяемость форм сравнительной степени прилагательных по местоименному склонению в белорусском языке не утратилась, а в русском языке сравнительная степень прилагательных застыла в краткой форме: у кратких форм прилагательных сильнее выражена способность к беспредложному управлению (при потере ими способности согласовываться она еще более возрастает), чем у полных, синтаксические и логические связи в предложении при таком условии более или менее строго фиксируются³⁸, в то время как полные формы сравнительной степени, согласуясь с независимым членом конструкции, требуют усиления, уточнения синтаксической и логической связи с подчиненным членом сравнительного

³⁸ См.: В. И. Боровский, П. С. Кузнецов, указ. соч., стр. 547.

оборота. Наличие в белорусском языке наречных форм сравнительной степени, по-видимому, замедлило процесс вытеснения беспредложных сравнительных конструкций предложными. Определенную роль здесь могло сыграть влияние русского литературного языка как языка межнационального общения.

ПРИНЯТЫЕ В СТАТЬЕ СОКРАЩЕНИЯ НАЗВАНИЙ ИСТОЧНИКОВ

- Алмазов, Моя жизнь — Алмазов, Моя жизнь, рукопись XIX в., ГБЛ, шифр ф. 178, Муз. собр. № 7212.
- Атлас белорусск. языка — «Дыялекталагічны атлас беларускай мовы», Мінск, 1963.
- Афанасьев, Сказки — Народные русские сказки А. Н. Афанасьева в трех томах, М., 1957.
- БРС — «Белорусско-русский словарь», М., 1962.
- Будный — С. Будный, Катихисисъ для детокъ христіанскихъ языка руского..., Несвиж, 1562.
- Даль — В. И. Даль, Толковый словарь живого великорусского языка, I—IV, М., 1955.
- Добровольский, Словарь — В. Н. Добровольский, Смоленский областной словарь, Смоленск, 1914.
- Карп. Каз.— Казанье двое... которое мѣл оцѣ Лео(н)тий Карповичъ... Евье, АХЭІ (1615).
- Колас, Избр. IX — Я. Колас, Збор твораў у дванаццаці тамах, Мінск, 1963.
- КСБС — Картотека старобелорусского словаря, Ин-т языкознания АН БССР.
- Мавр., Соч.— Янка Маўр, Збор твораў у двух тамах, Мінск, 1960.
- Мам.— Повесть о Мамаевом побоище, Сб. ОРЯС, 81, 7, СПб., 1906.
- Пов. вр. лет — «Повесть временных лет», I—II, М.— Л., 1950.
- Повесть о трех королях — «Повесть о трех королях-волхвах в западно-русском списке XV в.». Труд В. Н. Перетца, СПб., 1903 (ПДПИ, т. 150).
- Пов. о Тристане — Починается повесть о витязях с книгъ сэрбскихъ, а звлаца о славномъ рыцѣры Трысчан(е)..., Сб. ОРЯС, 44, 3, СПб., 1888 (Приложение).
- РГО — Русское географическое общество (архив).
- Руф. XVI в.— Книга «Руф» по сборнику XVI в., ГПБ, Шифр 2.
- Словарь АН СССР — «Словарь современного русского литературного языка», I—XVII, М.— Л., 1948—1965.
- Смоленск. гр.— Смоленские грамоты XIII—XIV веков, М., 1963.
- Срезневский — И. И. Срезневский, Материалы для словаря древнерусского языка, I—III (М., 1958).
- Страсти Христовы — «Страсти Христовы в западнорусском списке XV века». Труд Н. М. Тушикова, [СПб.], 1901 (ПДПИ, т. 140).
- Хр. словянов — Хроника Словяновъ руская..., рукопись ГПБ (Ф. IV, 688).
- УРС — «Украинско-русский словарь», I—VI, Киев, 1953—1963.
- Янковский, Пословицы — Ф. Янкоўскі, Беларускія прыказкі, прымаўкі, фразеалагізмы, Мінск, 1962.